

Знаете, я не люблю писать истории, связанные с чем-то печальным. Но ничего не могу с собой поделать, потому что только такие истории у меня и выходят. Бывает, я сама сажусь перечитывать их и начинаю грустить, хотя умом понимаю, что все, что я пишу, это плод моей больной фантазии. У вас никогда не бывало такого, что вы вдохновлялись от того, как поет другой человек или, может, как учитель стирает с доски написанные и понятные только ему вещи, а ты в этом видишь нечто особенное? Пожалуйста, скажите, что вы тоже слышите, как сплетничают птицы на площадях, как говорят цветы и как поет ветер. Скажите мне, что тоже слышите, как Вселенная издает такие прекрасные звуки, что мурашки идут по коже, а в твоей голове, где-то там, в мозгах, в центре, отвечающем за мое больное воображение, начинает создаваться свой собственный мир, никем не тронутый, вход туда есть только мне. Именно из того мира, что навсегда застрял в моей голове, рождаются какие-то странные истории. Мне самой бывает страшно от того, что сидит у меня под черепушкой.

Но эта история будет не про меня, а про мою подругу. Я хочу сразу сказать, что все, что вы здесь прочтете, просто плод моего воображения. Этот рассказ будет носить в себе нечто схожее с реальной жизнью, многие узнают в авторе меня, этого я отрицать не стану. Но все остальное – это чистой воды выдумка, взятая отдельными фактами из реальной жизни. Я четко ограничиваю себя в писательстве и в жизни. Если первое еще может переливаться со вторым, то второе никак не должно быть отражено в жизни. Я считаю, что моя жизнь – это не то, что стоит запечатлеть на страницах этих историй. Многое, я соглашусь, беру из жизни, ведь выдумать все не всегда выходит, а читатель любит реалистичность, приходится немного подыгрывать. Думаю мне пора вам кое-что рассказать. Попробуйте, пожалуйста, найти себя в этом рассказе, и будет великое счастье, если вы себя не найдете. Если вы подумаете: «О Господи, какая странная девушка, как можно быть такой?» или, например: «Хорошо, что это не про меня», то смело считайте себя счастливыми людьми. Спасибо за ваше время.

Это было на последнем году моего обучения. Тогда я училась писать книги и мечтала стать известной писательницей. Я очень часто представляла себе, как люди будут восхищаться моими книгами, как будут их цитировать, как будут по ним снимать кино, а я буду стоять рядом с режиссером и говорить, мол, здесь нужно играть лучше. Я представляла, как буду давать интервью, давать автографы и, возможно, вдохновлю какую-нибудь маленькую девочку сделать первый шаг – отнести свои работы в редакцию. Поддержу ее, если ей откажут, дам совет не сдаваться никогда. Ведь, если ты чувствуешь, что твое призвание писать, то пиши, потому что у каждого человека есть история, которую обязательно захотят послушать другие люди. Люди любят слушать истории, они любят их принимать через сердце и сострадать. Да, я верю, что люди очень хорошие, прекрасные существа, которые иногда могут совершать плохие поступки, ошибаться, оступаться.

Лучше всего у меня получалось писать аннотации и отзывы к книгам. И вот однажды мне дали задание написать аннотацию к своей любимой книге. Признаться честно, книг у меня было много, все ни раз прочитаны мною, но, чтобы нашлась та единственная, любимая книга, достойная моей аннотации, я считаю это настоящим кощунством. Буду откровенна, книга, которую я читала ни один раз, не могла быть описана мною, только лишь потому что она имела запрещенную тему, и описать ее, значит обрести себя на провал.

Как-то раз у нас совместили пару с художниками. Да, у нас совмещенное здание с факультетом дизайна. Преподавателю нужно было куда-то отъехать, поэтому он решил совместить две наши небольшие группы в одной аудитории и провести лекцию. Ведь все мы были на последнем году обучения, а предметы у нас отличались лишь на пару тройку лишних дисциплин. И вот, сев за свою любимую парту, где-то в середине класса, я открыла свой блокнот, потому что аннотацию нужно было сдать через три дня, а я не написала еще ни строчки. К слову, о художниках. Все они были «не от мира сего», ну, мы так считали. Ходили они всегда одиночками, мало общались, постоянно были измазаны в каких-то красках, шутили над тем, что понимали только они. Я не особо любила общаться с другими людьми. Нет, люди мне нравились, лишь как объект для написания историй, но не более.

Ко мне под села девушка. Что сразу бросилось мне в глаза? Ее волосы. Они были необычного цвета, слово они выцвели. Первая моя мысль? Чудачка. Нет, серьезно, стоило лишь взглянуть на ее лицо, сразу все стало бы понятно. Как писатель, я сейчас должна ее описать, верно? Как я не люблю все эти

описания, потому что не могу должным образом передать внешность человека. Все известные гении описывали кротко и ясно, а я так не могу. Хорошо, постараюсь не мусолить. Ну, у нее были яркие зеленые глаза, русые волосы. Но на самой макушке и, наверное, до бровей волосы были выцветшие. Я понятия не имею, как она добилась такого интересного эффекта, но выглядело это очень странно. Тонкие длинные пальцы, очень цепкие и очень ловкие, когда я выронила ручку, она в доли секунды ее поймала и передала ее мне. Мы пересеклись с ней взглядом, и сейчас я могу сказать, что это были не просто зеленые глаза. Будто бы я смотрела куда-то в пространство, куда-то в темноту, где едва горел яркий зеленый огонек. Я не знаю, как описать это чувство. Знаете, будто бы меня на секунду выбросило с этой планеты, и я стала парить где-то вдалеке от нашего Млечного Пути (хотя почему это он наш?), где-то среди галактики Андромеды, среди Крабовидной туманности, пролетая мимо созвездия Лиры, я была где-то там, но явно не здесь. А потом она улыбнулась мне и отвела взгляд, с кем-то поздоровалась, над кем-то громко посмеялась, потом отпустила глупую шутку и началась лекция.

Первые пятнадцать минут я просто разглядывала ее. Она казалась мне загадочной нимфой, сошедшей с небес. Но что-то во мне отталкивало от нее. У нее была бежевая блузка, под которой проглядывал белый бюстгальтер, тонкая, словно тончайшее кружево, серебряная цепочка с маленьким кулоном, и блеклый блеск на губах. Она все время поправляла свои волосы за уши, на что подумалось мне, почему бы не взять резинку. Только потом я смогла сообразить, что ей они действительно мешают, но резинок у нее с собой не было. Я полезла в карман своей сумки и достала черную тугую резинку, она всегда лежала там на всякий случай. Протянула ее ей, но меня она не заметила. Она писала кому-то в своем телефоне, была настолько увлечена, что мне пришлось толкнуть ее, пока преподаватель что-то диктовал. Она обратила на меня внимание.

- Ой, ты будто бы мои мысли прочла, спасибо тебе, карамелька, - она глупо улыбнулась, хихикнула и взяла резинку.

Стоп.

- Как ты меня назвала? Карамелька? – переспросила удивленно я.

- Ну да, это будет твое прозвище.

- Почему карамелька? Мне не нравится!

Она подняла взгляд на потолок, затем прогнула спину, огляделась по сторонам и снова взглянула на меня. Затем прикрыла рот ладошкой и

засмеялась на всю аудиторию.

- Что? Что смешного?

Она начинала меня раздражать, все стали смотреть на нас, но преподаватель не стал обращать на это внимание. Люди с первых парт стали укоризненно смотреть на эту девчонку, некоторые даже просили ее замолчать, некоторые просто прикладывали палец к губам и шипели. Я закрыла лицо рукой и попросила ее успокоиться.

Она замолчала так же резко, как и начала. А потом пододвинулась поближе к моему лицу, протянула руку мне за голову и дернула меня за волосы.

Ну, все, подумалось мне, сейчас она окончательно поседеет. Я встала из-за парты и приготовилась ударить ее, но тут же обернулся преподаватель, громко закрыл книгу и попросил удалиться нас из аудитории. Последнее, что я слышала от нее, это было что-то вроде:

- Я покидаю вас мои малышки, не скучайте, до свиданья профессор, прикольная прическа кстати.

Он был лысым.

- Из-за тебя нас выгнали с лекции, ты просто...слов нет на тебя! – сердито сказала я, толкнул ее.

- Успокойся, лекция была и правда занудная.

Какая же она сумасшедшая! Как мне хотелось ударить ее!

- Зачем ты дернула меня за волосы?

- Ой, точно, я же хотела...

Она снова резко дернула меня, у меня чуть слезы из глаз не пошли. Мой кулак невольно сжался, я замахнулась. Я никогда не била людей, всегда старалась решить конфликт мирным путем, но здесь явно просились на сдачу. Она резко подняла свою ладонь вверх и показала мне конфетку, которая по всей видимости прилипла к моим волосам, а она так явно старалась убрать ее. Теперь понятно, почему она наградила меня таким детским прозвищем, как карамелька.

- Просто хотела убрать, а то, Бог знает, сколько ты с ней уже ходишь. Я опешила.

- Спасибо, - я отвела взгляд и поправила свой хвост.

Она молчала не долго.

- Ну, куда пойдём?

- В смысле? У меня сейчас идет пара, а по твоей вине я в коридоре стою.

Она снова глупо засмеялась.

- Да брось ты, ни одни мы прогуливаем. Посмотри, видишь, парни стоят? Давай заведем новых знакомых, пошли!

- Да, я ведь даже с тобой- то не знакома! И такие друзья мне не нужны!

Она поправила свои волосы, встряхнула их, затем взяла меня за руку и пошла к той компании. Я стала вырываться.

Я действительно не любила общаться с людьми, мне просто нравилось наблюдать за ними. Ну, знаете, как это происходит? Это словно ты в зоопарке, просто наблюдаешь за ними, будто ты такой суровый ученый и от этих наблюдений зависит судьба человечества. Вот и мне нравились люди, лишь как объект исследований, наблюдений, опытов. А тут какая-то шумная девчонка вывела меня из защищенной лаборатории, где я могла спокойно пить чай и наблюдать за жизнью приматов в их естественной среде обитания через защитное стекло, и повела меня изучать их жизнь и повадки извне.

- У тебя по глазам было написано, что тебе нужно общение!

Я выдернула руку. Остановилась и фыркнула. Затем поправила волосы и пошла вперед сама. Она встала рядом со мною, от нее веяло какой-то несбыточной энергией, словно она изучала тепло и жизнь, нет, она была самой жизнью.

- Меня зовут Лина, просто Лина, а тебя, карамелька?

Я представилась.

- Теперь мы с тобой будем общаться, ты больше не будешь одиноко сидеть и грызть карандаш. Фу, ты хоть знаешь, сколько на нем микробов?

Она постоянно говорила о чем-то глупом, смешном или даже о парнях. Постоянно отпускала глупые шутки, вечно смеялась и ходила вприпрыжку. Словно маленький беззаботный ребенок застрял в теле взрослого. Теперь она вечно ходила за мною, и, признаться честно, мне начинало это нравиться. Мне стало комфортно рядом с ней, нравилось находиться рядом, пока она играла в телефон, кого-то дразнила, кого-то жалела, кого-то била. Лина была интересным объектом для наблюдений, она была открытой книгой, прочитать которую мог каждый желающий. Если ей было грустно, она грустила, весело, она смеялась. Она никогда не скрывала своих эмоций или чувств, была позитивной и смешной.

Когда меня кто-то обижал, она смело лезла в драку, когда мне было грустно, она меня веселила. Знаете, иметь такого друга, как Лина, просто настоящее счастье. Ты будешь уверен, что пройдешь с таким другом и ад и рай, будешь знать, что она тебя никогда не бросит, всегда поддержит и не предаст. Мы много времени проводили вместе, часто ходили куда-нибудь или просто

болтали. Однажды она пригласила меня к себе домой.

Дом был старый. Был где-то на окраине города, мне, казалось, он рухнет, пока мы будем там. К моему удивлению, внутри дома было более менее сносно. Не скажу, что там был евро ремонт, но провести там вечер было возможным. Квартира у нее была большая даже по моим меркам. Гостиная была больше самой кухни, в кухне было пару стульев, на полу ковер, пахло старыми носками. В общем депрессивненько и плаксиво. Даже странно было, как в таких условиях, Лина могла быть такой приветливой и доброй. Если честно, я бы загнулась в такой квартире жить. Ведь невозможно! Вдруг у самого входа, когда я ставила свои сапоги, я заметила пару бутылок, которые лежали в мусорных пакетах, но не совсем прикрыты ими. Только я хотела спросить про родителей Лины, как она позвала меня в свою комнату. Мысль о пьянстве сразу вылетела у меня из головы, и я весело прошла в ее комнату, по дороге рассматривая пятна на старых, желтых обоях.

Комната была тоже большой, пустой, но очень светлой. На большом подоконнике, с которого стала отлетать краска, лежали подушки и пара книг, видать так Лина проводит свои вечера, когда ей не нужно идти гулять с друзьями. В углу комнаты стоял мольберт, на нем холст с незаконченной работой, которая сразу привлекла мое внимание. Но что на нем было нарисовано, я не смогла разобрать. Какие-то линии шли плавно, то резко обрывались, то вытворяли какой-то узор. Много ярких пятен, узоров, разных цветов, контрастных и тусклых. Наверное, рисунок и имел какой-то смысл, но моему приземленному уму этого явно было не понять.

Она подошла ко мне поближе, увидев, что меня заинтересовал холст, и спросила очень тихо:

- Как ты думаешь, что здесь нарисовано?

Я пожала плечами, а потом посмотрела на нее, она хитро улыбалась.

- Ну и что это? Похоже на какой-то хаос, - я пригляделась получше, - хотя знаешь, мне это кое-что напоминает.

- Правда, и что же?

- Видимую Вселенную.

Она удивленно посмотрела на меня, а затем на свое творение, прищурилась, пытаясь разглядеть в этом хоть что-то отдаленно напоминающее ей космос.

Но она представляла его таким, каким знала сама. Из книг, фильмов, где отважные космонавты стыкуются с кометами, а потом взрывают их, с тем, как показывают нашу Вселенную сценаристы. Но ведь все иначе...

- Странно, но это не космос.

- Ну, как же, вот это красное пятно похоже на галактику Андромеду, вот эти брызги на плеяды, вот это на Туманное кольцо, причем очень четко и хорошо нарисовано, а там в самом углу галактика Водоворот, но ты ее немного неправильно нарисовала.

Она снова засмеялась, и я поняла, что ошиблась. Но теперь я отчетливо видела на ее холсте Видимую Вселенную, именно такой, какой я ее себе представляла. Лина улыбнулась мне и села на свою кровать.

- Я нарисовала музыку.

Первые пару секунд я всматривалась в холст, давая своему мозгу обработать только что получившую от Лины информацию, потом еще несколько секунд я отчаянно пыталась увидеть в этом сборище цветов хоть что-то отдаленное напоминающее мне музыку, ну а в конце пыталась понять под какое музыкальное творение Лина могла нарисовать нечто похожее на Видимую Вселенную, потому что ее я видела крайне четко и ясно. Я решила бросить размышления об этом холсте и перевести взгляд на что-то другое, но Лина не упускала возможности обсудить свою картину. Наверное, подумалось мне, она очень редко приводит сюда гостей. Очень странно, ведь я много раз видела ее в шумных компаниях, на вечеринках, в походах по магазинам. Друзей у Лины было много, в отличие от меня, но ревности я не испытывала. Я всегда знала, что сердце у нее большое, доброе и любви в нем хватит на всех ее приятелей. Она пыталась ввести меня в одну из своих компаний, помнится, они учились на врачей и часто говорили о медицине, отпускали только им понятные шуточки и крайне резко отзывались о современной литературе. Лина была удивлена, почему я не смогла найти с ними общий язык. В отличие от меня Лина могла найти общий язык в любой компании, поддержать любой разговор, даже на самые далекие от нее темы. Она никогда не боялась выглядеть глупой, задавала много вопросов, а люди любили рассказывать, ну а она любила их слушать. Ее все любили.

- Я хочу показать эту картину моим друзьям, они музыканты. Думаю, им понравится, что думаешь? Когда я слушаю их музыку, у меня душа выскакивает из тела и парит где-то в невесомости. Это поразительное чувство, я обязательно должна тебя с ними познакомить, Карамелька!

Опять она называет меня этим дурацким прозвищем.

- Нет, спасибо. Помнишь, ты пыталась свести меня с Фредом? Он, кажется, был экономист. Я еле-еле просидела в его компании полчаса, таких глупых людей я еще не встречала, - я вздрогнула, вспомнив тот вечер и его потные ладошки, когда он якобы случайно положил свою руку мне на ногу.

- Они действительно крутые ребята, они творят настоящее волшебство. Я познакомилась с ними в магазине, точнее с одной из них, ее зовут Мария. Она такая милая девушка, нежная и красивая. В общем, мы завтра пойдем к ним, ты должна с ними познакомиться.

Спорить было бесполезно, и я согласилась.

Весь оставшийся вечер мы провели сумбурно. Сначала мы вместе готовили ужин, как ответственные девочки перед приходом мамы, потом смотрели какой-то дешевый американский фильм, и я не могла не удивляться, как Лина глупо смеется, будто выдавливая из себя весь смех без остатка. Далее мы решили включить музыку и просто лежать, дрыгать ножками, как в далеком детстве.

- Нет, так не пойдет. погоди минутку, - с этими словами она встала с кровати и вышла из комнаты.

Через пару секунд я слышала бряканье посуды, потом что-то упало, потом слышала, как Лина громко выругалась и поковыляла обратно в комнату. Она принесла бутылку какого-то алкоголя, и у меня сразу пересохло в горле.

- Что? Зачем это? – я села на кровать.

- Скучно сидим, может, мы выпьем?

- А как же...родители, они разве не придут?

- Сегодня у мамы смена, поэтому можно не бояться, - она сказала это как-то сухо и принялась открывать бутылку, закуску она не принесла и меня это насторожило.

Помню последний раз, я напилась в десятом классе, тогда было день рождения моего старшего брата, и я решила быть взрослой, поэтому выпила больше, чем в меня могло влезть. С тех пор, как я смотрю на алкоголь, то сразу вспоминаю тот ужас, что творился со мною тем вечером, и как плохо мне было на следующее утро. Лина не умело открывала бутылку, что натолкнуло меня на мысль, что пьет она крайне редко, но почему сегодня именно тот самый вечер?

- Лина, я не могу, я не умею пить, - виновата скорчилась я.

- Не переживай, мы немного, это шампанское, - этими словами она хотела меня успокоить, а мое сердце начинало стучать громче.

- Как же я потом домой поеду?

- Оставайся у меня, будем спать вместе, ведь ты меня не стесняешься?

Я улыбнулась. Я не стеснялась своего тела, раздеться перед Линой для меня было мелочью, да и она, думаю, придерживалась такого же мнения. Встав с кровати, я пошла на кухню, нарезала сыр и принесла на тарелке, Лина уже

разливала шампанское по бокалам.

Первые три бокала мы держались нормально, я помню легкий румянец на ее щеках, растрепанные волосы, она что-то пела, громко смеялась и я смеялась ей в ответ. Потом стало жарко, она расстегнула блузку, а я от прилива легкого алкоголя и вовсе осмелела, я сняла свою футболку, оставшись в бюстгальтере. Мы над чем-то смеялись, шутили, обсуждали кого-то, я не помню. Лина включила музыку, мы прыгали на ее кровати, дрались подушками, что перья летели по всему дому. За окном уже была ночь, а мы бодрые бегали по квартире, прятались друг от друга, веселились.

Вдруг Лина осушила бутылку и запела, неумело, хрипло, но пела. Я стала подвывать ей, этот вопль стал слышен по всей квартире. Я чувствовала себя живой, готовой писать книги, романы, совершать безумные поступки. В моем теле была такая легкость, мне казалось, я смогу взлететь, приземлиться на одно из тех облаков, что были видны в эту лунную ночь. Я смотрела на растрепанную, потную Лину, как она прыгала с подушки на подушку, улыбалась и не понимала, почему этот человек стал моим другом. Я была ей безумно благодарна.

Потом мы устали и просто упали. Я упала на кровать, не чувствуя в себе сил даже пошевелиться, каждая клеточка моего тела молила об отдыхе, а Лина на прохладный пол. Стало так тихо, только Луна светила из большого окна, напоминая людям о том, что ночь – время священное, интимное. Я лежала и смотрела в окна напротив стоящего дома. Сотни людей занимаются своими делами, сотни людей спят, предаются любви, плачут, смеются. Многие из тех же людей решают, что сегодня их последняя ночь, умирают, рождаются вновь. Я посмотрела на Лину и улыбнулась. Ее глаза были закрыты.

- Спасибо, - тихо прошептала я, не надеясь услышать ответа.

Его и не было. Только я стала проваливаться в сон, как Лина спросила:

- Почему ты не публикуешь свои работы?

Я промолчала пару секунд, якобы размышляя, но ответ я знала давно.

- Нету случая.

- Как это случая?

- Ну, понимаешь, мало написать книгу, ведь ее нужно чтобы кто-то читал, иначе зачем это все? Чтобы люди читали книгу, нужен случай, событие. Все известные писатели писали о каком-то историческом событии, о каком-то важном моменте, о случае, поэтому люди и читали их. Раньше была война и люди читали про войну, потому что понимали писателя, понимали его чувства, был голод и разруха, люди переживали это вместе с героями книг.

Людам нравится видеть людей, которым хуже их, которые обречены. Поэтому мне нужен случай.

Лина молчала и я поняла, что она думает о моих словах. Я улыбнулась, ведь меня о таком еще никто не спрашивал. Я стала писать втайне от родителей, пыталась публиковать свои работы, но у меня мало что выходило. Потому что кому нужно читать повседневность. Сейчас в мире все стабильно, спокойно, гладко, люди живут в привычном ритме, каждый в своем мире, в своих серых буднях. И когда человек покупает книгу, он желает вырваться из действительности, хотя бы сознанием перенестись в мир драконов, в мир чудес и сказок, обрести крылья хотя бы там, в другом мире. Но разве захочет серый человек читать серую книгу о серых вещах? Нужен случай.

- Надеюсь, у тебя все получится, - она прошептала, - хотела бы я быть такой же сильной, как и ты.

- Сильной? О чем ты говоришь? Если бы не ты, я бы так и грызла эти карандаши в аудитории.

Она тихо посмеялась, вспомнив нашу встречу.

- Мне кажется, хотеть быть писателем очень благородно. Ты будешь писать истории, чему-то учить людей, вдохновлять кого-то, - она посмотрела в темный угол комнаты, где стоял мольберт, - мои работы никому не нужны, их никто не понимает.

- Брось, все приходит с опытом. Неужели ты не хочешь, чтобы и твои картины оценили?

- Я очень мечтаю об этом, но, к сожалению, люди не могут видеть того, что вижу я. Они не видят музыку, а все преподаватели говорят нарисовать что-то материальное, чтобы людям было понятно. А я иногда смотрю на того же Ван Гога, я считаю его гением своей эпохи, но разве могу я стать такой же как он, приблизиться к искусству хоть чуть-чуть?

Мне стало тяжело говорить, веки предательски наливались. Княгиня Сна уносила меня в свои чертоги, звала и манила погрузиться в небытие.

- Искусство - понятие странное, каждый видит его по- своему. Я считаю, что все, что делает человек – искусство. Ну, например, твои записки на листочках, стружка от карандаша или то, как ты делаешь лисичек для закладок в книги, я считаю это...искусством. Твои танцы ночью, браслеты, колечки, все к чему притрагивается человек становится искусством, разве что...

- Что?

- Разве что природа. Она сама по себе красивая, здесь сомнений быть не

может...

Я чувствовала, что уплывала от этого разговора куда-то далеко.

- Великими становятся лишь после смерти, - заключила Лина.

А дальше я провалилась в глубокий сон.

На следующий день, как и обещала Лина, она повела меня к своим друзьям музыкантам. Она выглядела очень бодрой, и мои попытки вернуться к вчерашнему разговору, были безуспешны. Перед мною вчера был совершенной иной человек, который открылся мне случайно, под покровом ночи, под алкоголем, а сейчас перед мною все та же хохотушка Лина. Когда мы выходили из квартиры, я чувствовала себя крайне скверно. Нас встретила пожилая тетка, которая тащила по лестнице пакеты с мусором. Лина приветливо поздоровалась с ней, но та, к моему удивлению, ответила ей грубо, зачем-то припомнив ее мать, а потом еще и отца. Улыбка с лица сразу пропала и Лина вышла из подъезда, сказав, что люди в этом доме давно пропитаны гнильем.

Она повела меня после пар куда-то на другой конец города. У меня пересохло во рту, поэтому я стала просить ее купить воды в магазине, но она куда-то сильно торопилась. Мы зашли за какие-то гаражи, и я услышала скрипку. Очень странно, подумало мне, ведь она говорила про современную музыку, а играла соната Бетховена. Мама в детстве часто включала мне их перед сном, они хорошо успокаивали, наверное, поэтому я выросла тихим ребенком, ведь Лине, наверное, включали что-то из разряда дабстепа. Пройдя еще немного мимо луж и грязи, мы зашли в какой-то небольшого размера гараж, со стен которого слезала краска.

- Здравствуйте, друзья!- Лина сбросила свою кофту и побежала всех обнимать.

В комнате (если это можно назвать так) было три человека, не считая нас двоих. Две девушки и один парень. По порядку: у барабанов в самом углу сидела тихая девушка, с короткой стрижкой, глазками в пол, пухлыми губками, девушка, словно сошедшая с обложки какого-нибудь недорогого журнала для строгих тетенок. На ней была юбка, черная кофта, закрывавшая ее плечи, на руках много резинок, туго перетягивающих ее запястья. Как я узнала от Лины, именно с ней она познакомилась в магазине, звали ее Мария, она была барабанщиком. Помню, еще тогда я отметила про себя, мол как такая тихая, хрупкая, фарфоровая девушка может играть на барабанах? Однако, как я узнала позже, внешность и возраст на мастерство не влияет.

Вторая девушка была совершенной противоположностью. У нее было дерзкое лицо, строгий взгляд, тонкие губы. Якая такая стерва, скажу я вам. Кстати, потом я выяснила, у нее действительно был скверный характер. На тонком, но вздернутом носу был пирсинг, на языке тоже, волосы были перекрашены в черный, выдавали корни на голове. Черная кожаная юбка, майка, бюстгальтер на размер больше – все это говорило об ее бунтарской натуре. Звали ее Виктория и она была гитаристка, но рядом с ней был установлен микрофон, она имела сильный голос, могла тянуть верхние ноты и копировать своим голосом музыкальные инструменты.

Третий человек был парень и он был скрипачом. Высокий, красивый брюнет с пронзительными карими глазами, он имел широкие плечи, сильные руки, втянутые скулы и черные брови. Он был хорош собой, я отметила про себя. Когда он улыбался, мое сердце невольно начинало трепетать, говорил он низким басистым голосом, будто в самый ясный день вдруг ударили раскаты грома. Постоянно облизывал губы и гнул пальцы, эта привычка бесила меня с самого начала. Он превосходно играл на скрипке, Лина очень любила наблюдать за его выражением лица, она говорила, что он полностью погружается в музыку и творит настоящее волшебство. Его звали Билл, он сам просил называть его именно так, настоящее имя я так и не узнала.

- Я хочу тебя познакомить с этими ребятами, они творят настоящее волшебство. Помнишь, ты говорила про случай? Вот он, пиши, - она засмеялась.

Меня представили. Мария тихо улыbnулась, Виктория фыркнула, а Билл многозначительно посмотрел мне в глаза. Я перевела взгляд на Лину, и неожиданно увидела, что в ней вспыхнула искра ревности.

- Ребята, я хочу, чтобы вы сыграли ту самую мелодию.

- Нет, мне надоело это, - сказал Билл и вздохнул, - мы играем ее практически каждый день, - затем он посмотрел на свои часы, - вот черт, меня ждет отец, мне нужно идти.

Лина схватила Билла за руку и умоляюще взглянула ему в глаза, мне сразу все стало понятно: между этими двумя что-то происходит. Но почему тогда Лина молчала о таком? Что еще о ней я не знаю? Ведь она всегда открывалась мне ровно настолько, сколько ей было необходимо. Никогда не говорила или не позволяла себе лишнего, лишних эмоций, поступков. Сейчас смотря на нее, я была уверена, что она не равнодушна к этому парню.

Билл закатил глаза и подошел к скрипке, открыл чехол и провел по ней пальцами, так легко и воздушно, словно для него это было самым

сокровенным в жизни, его сокровищем, его священным Граалем. Он нежно взял скрипку, достал смычок и стал что-то наигрывать. По-моему, он играл «Времена года» Вивальди, я знала это, потому что недавно моя мама обсуждала это со своей подругой, правда не могу даже предположить, как разговор зашел именно о Вивальди. Лина надула губы.

- Да, я разминаюсь,- перебил ее он.

- Слушай, с чего это ты тут требуешь что-то сыграть? – сказала Виктория, сделав шаг вперед.

Лина нахмурилась и оскалила зубы, как оскаливают коты в брачный период, чтобы завладеть самкой. Виктория фыркнула и отодвинула свою гитару, так она отказалась играть какую-то там «офигенскую мелодию», как выразилась Лина перед тем, как привести меня сюда.

- Хватит вам уже собачиться, давай сыграем и я побежал, отец не любит, когда я опаздываю. Мари,хватишь мою скрипку? – обратился он к Марии, что все время тихо наблюдала за разговором.

- Опять будешь прятать ее от своего папаши? – съязвила Виктория.

Билл строго взглянул на девушку, сжал кулаки.

- А зачем ее прятать? – спросила я.

Все сразу посмотрели на меня.

- Это не столько важно, но мой отец не знает, что я играю здесь в любое свободное время, - объяснил Билл.

- А почему ты не можешь ему просто сказать об этом?

- Дело в том, что отец его известный архитектор и хочет, чтобы его сын продолжил его дело. Билл учится со мною на одном факультере, но на курсе младше, - хихикнула Лина, - но у него огромный талант к музыке, а еще он мечтает однажды стать известным музыкантом, прямо как ты, Карамелька, мечтаешь стать известным писателем.

Мы с Биллом покраснели, потому что обоим стало неловко от сказанных Линой слов. Лина засмеялась, но на это уже никто не обращал внимания.

- Давайте уже играть, - занервничала Виктория и выплюнула жвачку.

Мария собрала свои волосы в небрежный пучок, теперь мне стали заметны родинки на ее шее. Я всегда подмечаю такие мелкие детали, потому что мне кажется, что именно благодаря таким мелочам можно узнать о человеке гораздо больше, чем он думает. Билл взял скрипку, Мария подняла гитару и настроила микрофон, а Мария стукнула палочками по барабанам. Я чувствовала себя какой-то важной шишкой, что перед мною будут играть, возможно, будущие музыканты. Ну, а еще мне было жутко интересно, что это

за музыка такая, которая заставляет парить?

- Слушай внимательно, Карамелька, перед тобою сейчас выступят будущие покорители сердец!

- Лина, скажешь тоже, - улыбнулась Мария.

А дальше было то, что и описать сложно.

Началось все с барабанов. Музыка оглушила всю комнату, Мария играла и улыбалась, было видно, что это ей никогда не надоест, она била по барабанам и выпускала волшебство. Я чувствовала это. Затем заиграл Билл и у меня упала челюсть, он полностью отдался процессу, завораживающе перебирал струны, а смычок вытворял настоящее искусство. Скрипка в сочетании с электронной музыкой выглядела просто бомбезно. Далее была очередь Виктории, она стала копировать другие музыкальные инструменты, чуть ли не поглощая своими губами микрофон. Она подпевала так нежно, но так уверенно, что у меня сложилось впечатление, что перед мною выступал целый оркестр. Музыка, создаваемая ими, творила настоящие чудеса.

А потом...

Потом я вдруг вылетела из этой комнаты, мое тело переместилось куда-то в пространство, улетело куда-то в невесомость, в пустоту, за пределы человеческого понимания и человеческих возможностей. Я чувствовала каждой клеточкой, каждой молекулой, как музыка проходила сквозь меня, оставляла там что-то свое и исчезала куда-то навсегда.

Я путешествовала по Галактике. Сначала я очень испугалась, потому что не понимала, что вообще происходит с моим телом, я не слышала даже стука своего сердца, не чувствовала дыхания, даже, кончиками пальцев мне было трудно пошевелить, все, что я слышала, это пение Виктории и скрипку, которая умела рождала музыку в руках Билла. Я ощущала Жизнь, я постигла Смерть, я видела всех людей, ныне живущих и будущих. Вдруг меня резко выкинуло за пределы Солнечной системы, последнее, что я видела своими глазами, как резко сжалось Солнце и в конце оно взорвалось, огромной и яркой вспышкой. Оно сожгло Землю, поглотило Венеру, разрушило Меркурий, но и это было не важно. Это было невероятно красиво и страшно одновременно. Звучали барабаны.

Перед мною взрывались сверхновые звезды, уничтожая планеты и рождая новые. Вселенная на моих глазах убивала свои творения, миллиардами лет создавая их по маленьким крупитцам, собирая атом к атому, склеивая молекулы, чтобы где-то там в ядре происходили реакции, чтобы в конце концов звезда, любимая своей матерью, взорвалась и создала новую жизнь, еще

более прекрасную, чем она сама. Вспышки были настолько яркими, что мои глаза начали слезиться, перед мною умирал излучаемый ими свет.

Я проносила мимо Галактик, до которых человечеству добираться миллионы световых лет, я пролетала возле них прямо сейчас, под действием чудесного голоса Виктории. Перед мною была самая красивая галактика, известная человечеству, Галактика Сомбреро в созвездии Девы. Она излучала такой приятный нежный цвет, светилась и крутилась возле себя, сияла миллиардами огоньков, на которых, возможно, где-то там, в самой далекой, на самом краю планеты сидела девушка и смотрела на звезды, гадая есть ли за пределами ее родной планеты иная жизнь. Я ей отвечу, конечно, есть! Не сомневайся, незнакомка, она есть, она так же прекрасна и многогранна, какой ты ее себе представляешь. И те инопланетные существа, что рисует твой младший брат, сидя за завтраком, они тоже существуют. В этом мире возможно все, а если нет, то надо искать тот мир, где это привычное дело. Мимо меня рассыпались плеяды, рассеянные звездные скопления. Я протянула руку, чтобы дотронуться до них, но меня вырвало обратно в Солнечную систему. На этот раз я была на комете, что неслась прямо на большой и могущественный Юпитер. У моей кометы был огромный горящий хвост, я неслась с огромной скоростью, чтобы врезаться в недра планеты, и разнестись по огромной территории пылевыми облаками и навсегда закрыть обзор для наших земных посланцев на эту планету.

Я была на Марсе и пила чай с марсианами, они рассказывали мне про то, как тяжело им выращивать редьку в такой захудалой почве. Я посоветовала им прилететь на землю к моей тетушке, которая была опытным садоводом и могла любой песок превратить в питательный чернозем. Я писала картины с прекрасных нимф, живущих на Венере, они угощали меня вином и спелыми гранатами, танцевали и пели. Я помню, как одна Богиня подошла ко мне и протянула свою руку, чтобы я смогла поцеловать ее прекрасную ладонь. Только мои губы коснулись ее нежной кожи, я оказалась на Меркурии и участвовала в битве против внеземных захватчиков. Там жили отважные воины и они учили меня правильно держать копье и меч, учили стоять за себя. Я встретила со старцами, живущими на Луне и пила Лунный сок, который по вкусу напоминал спелый крахмальный картофель. Я морщилась от пыли на Сатурне и плавала в оазисе Европы, спутника Юпитера, я читала баллады детям Нептуна и учила вышивке женщин Урана, я была везде и одновременно нигде.

И резко я упала.

Упала обратно на землю, где музыка затихла. Все, что я успела сделать на Земле, так это посмотреть в глаза Биллу, который на пару секунд прекратил играть, давая Виктории выполнить основную партию. Только смычок коснулся струн, как Лина подхватила меня за руку и понесла в каком-то странном танце и все снова сменилось.

Я была прекрасной баронессой, в шикарном шелковом платье с персиковым отливом, моя кожа была гладкая и упругая, на моей шее были огромные бусы, уши окрещены золотом, а волосы цветами. Я танцевала рядом с такими же прекрасными леди на цветочном лугу, все кавалеры приглашали своих дам, а рядом со мною была Лина, в белоснежном кружевном платье, она подхватила меня и мы закружились вальсе. Все было чудесно, над нами светило Солнце, женщины и мужчины смеялись и любили друг друга. Музыка плавно текла, как и сама жизнь, наполненная самыми яркими красками. Над нами пролетали птицы, драконы, кометы, все плохие моменты в нашей жизни. Мы были счастливыми людьми.

Музыка прекратила звучать и я провалилась в цветы, меня накрыли гиацинты и нарциссы, последнее, что мне удалось увидеть, так это яркие линии, как на картине Лины, они рисовали узоры и переплетались. И теперь я поняла, какую музыку нарисовала эта странная девушка.

Я открыла глаза, преисполненная огромного удовольствия. Билл улыбался, как и сама Мария, а вот Виктория поспешила побыстрее выпить воды, ведь от долгого пения у нее пересохло горло. И все, что я могла сказать в тот момент, было лишь:

- Это волшебство какое-то.

Спустя время мы стали общаться. Я смогла подружиться даже с Викторией, хоть она до последнего ставила мне палки в колеса. Лина была счастлива, что теперь все ее друзья общались вместе. Мы часто проводили время вместе, ходили в кино, пропадали в парках. Я писала короткие истории про нашу веселую жизнь, читала вслух моим новым друзьям, они смеялись и громко хвалили мои работы. Лина приносила краски и рисовала наши портреты только так, как умела и видела она. Спустя время Билл написал новую песню и их группа продемонстрировала еще одну красочную мелодию, а та самая музыка, которая взрывала мне мозг, оказывается была написана далеко не ими. Просто они очень хорошо ее играли. Каждый вечер мы зависали в этом гараже, каждый вечер смеялись и дурачились.

Я больше не была наблюдателем этой жизни, я была активным ее участником. Иными словами, суровый ученый вошел в клетку с приматами, сорвал свой халат и стал лазить по деревьям в поисках бананов. Мне было весело, и я бы не хотела ничего менять, мне нравилось, что меня окружают талантливые люди, которые имеют свои мысли, свои цели и добиваются всего сами. Отец Билла был очень строгим мужчиной, он запрещал ему заниматься музыкой, потому что понимал, что музыка не принесет такого дохода, как постоянная высокооплачиваемая работа архитектора, но Билл выбрал свой путь и я очень гордилась им. Виктория была отличницей и примерной девочкой, только здесь она могла показывать свою бунтарскую натуру. Она была младше нас всех и еще училась в школе. Перекраска волос и пирсинг в ее кругу оценивали, как переходный возраст и не считали ее мнение чем-то важным. Отмахивались: ничего не понимающий ребенок, чтобы она понимала! А вот Мария была скромницей, которая не имела друзей, кроме Билла. Она очень стеснялась смотреть людям в глаза, мало говорила, но было видно, что думает она больше, чем говорит. Однажды мне выпала возможность пообщаться с ней поближе. Она так боялась ляпнуть какую-нибудь глупость, что все время молчала. И только во время игры на барабанах она могла выплеснуть все, сказать все, что лежит у нее на сердце. И только музыка могла сказать за нее.

Все было прекрасно, пока однажды Лина отказалась после пар идти со мною в гараж. Я очень удивилась ее поведению, ведь обычно ее не вытащишь от туда, а сегодня она даже не хотела идти туда. Она выглядела обычной, но я заметила, что глаза ее стали тусклыми. Я спросила:

- Все в порядке? Хочешь я тоже не пойду?

Она покачала головой и улыбнулась мне.

- Нет, все в порядке, сегодня мне нужно помочь маме, иди одна.

- Скажи мне, это из-за Билла?

Ее рот скривился.

- С чего ты взяла такую глупость?

- Я ведь знаю, что он тебе нравится. Что-то не так?

Она наиграно засмеялась.

- Нет, все в порядке, сказала тоже! Билл мне нравится! Ты ему это скажи, он тоже посмеется над этим.

Это было странно, подумалось мне, но в конце концов я пошла в гараж одна. Сегодня, как и обещала Виктория, она покажет новый звук, который выучила благодаря урокам в интернете. Она часто демонстрировала нам разные звуки,

которые подражали различным животным. В прошлую среду это был звук слона, не знаю, как она умудрилась такое повторить, так натурально издать его, но, клянусь, на секунду я перенеслась в Африку и сама лично видела, как этот слон сказал что-то на своем, слоновьем языке. Жаль, правда, что сейчас в Африке почти не осталось диких слонов, люди всех поработили. Интересно, что сегодня покажет Виктория.

Я пришла в гараж одна, но почему-то никто этому не удивился. Я ожидала расспросов по поводу Лины, но все шло своим чередом. Единственное, что смогла заметить я, так это, как поменялась атмосфера между Биллом и Марией. Ну, они всегда хорошо общались, все-таки они создали эту группу.

- Ну, Виктория, удиви меня, - сказала я, присев на старое кресло возле двери в гараж. Мы называли его ленивым креслом.

- Ой, у меня появились преданные фанаты? – саркастически заметила она.

- Верно, да еще и в первом ряду, ну так что, чем поразишь сегодня?

- А куда бы ты хотела отправиться?

Я на минуту задумалась, но ответ, конечно, знала давно. Она всегда задавала этот вопрос перед тем, как издать новый звук.

- На море, - спокойно ответила я и улыбнулась.

Виктория надула губы и покачала головой.

- Хорошо, покажу тебе дельфина, - согласилась она.

- Не хочешь пиццы? – спросил меня Билл.

Я согласилась, устроилась поудобнее и в течении нескольких секунд была с дельфинами. Ветер дул мне в лицо, а руки приятно касались мокрой кожи дельфинов. Хорошо.

Вечер подходил к концу, нужно было спешить домой. Я успела прочитать ребятам отрывок из моей новой истории, название которой я еще не придумала. Мария похвалила мою работу, а вот Виктория, впервые на моей памяти, раскритиковала ее. Она сказала, что все, о чем я пишу, не может быть правдой, как она сказала, мне не хватает какой-то изюминки в рассказе, нечто такого, чего читатель не будет ожидать. Иными словами, назвала мои рассказы чересчур банальными. Завязался спор, все стали спорить по поводу моей неопытности в писательском деле. Спор настолько увяз, что в конце концов не выдержала и я, просто встала и вышла из гаража. Не скажу, что я была обижена или рассержена, потому что знала, что все, что сказала Виктория, было истинной правдой. Я еще слишком неопытна, чтобы в своих рассказах кого нравоучать. Интересно, подумалось мне, все великие люди рождались великими? Ну то есть, когда Бог даровал им жизнь, он сразу знал,

что этому человеку под силу изменить судьбы людей? А если и так, то как понять, кто из нас великий? Может, каждый из нас может менять что-то в этом мире, но просто не может на это решиться? Да, так я точно не смогу никогда опубликовать свои работы.

Меня остановил Билл. Он схватил меня за руку, заставив мою кожу предательски покрыться мурашками. Нет, соглашусь, Билл очень симпатичный, у него красивый голос, сильные руки, да и вообще он виртуоз в своем деле, но, может быть, подумала я, если бы не Лина, я бы сама влюбилась в этого парня. Ведь я видела, как Лине он нравился, она пыталась отрицать это, но влюбленность в глазах ничем не скроишь. Она часто сидела возле него, смотрела во время репетиций только на него и улыбалась только ему. Банальная невзаимная любовь.

- Слушай, что случилось с Линой, почему ее сегодня нет?

- Неужели ты сам не догадываешься?

Мне хотелось проверить, что знает он. Он покрылся румянцем (Господи, какой он милый, когда краснеет!) и отвел взгляд в сторону.

- Не могла бы ты ей кое-что передать? – он достал из кармана штанов записку и какой-то деревянный значок в виде скрипки, наверное самоделка.

- Что это? – спросила я.

- Скажи ей, пожалуйста, что у нас ничего не выйдет. Мне нравится другая. Вдруг из гаража вышла Мария, в руках был чехол от скрипки, наверное, она пошла домой. Как только Билл ее увидел, сразу подошел к ней, приобнял за плечи и они ушли куда-то в темноту. Мое сердце оборвалось.

Как так вышло, что с моей подругой приключилась такая банальная невзаимная история любви? И как быть мне теперь? Неужели из-за этих чувств распадется вся наша компания, и с кем в том случае остаться мне, ведь я не хотела быть между двух огней? Рано или поздно мне пришлось бы сделать этот выбор, ведь больше все не будет, как прежде. Меня захлестнули эмоции: сначала я была растеряна, потом зла на Лину, затем мне и вовсе стало ее жаль. Но, к моему удивлению, она приняла этот факт спокойнее, чем я от нее ожидала. Просто с каменным лицом положила значок в карман, а записку выбросила в мусорное ведро.

На следующий день она встретила меня в коридоре возле аудитории. Она была веселая и игривая. Сначала она с кем-то болтала, а затем увидев меня, вприпрыжку подбежала ко мне, приобняла и чмокнула в щеку.

- Представляешь, в нашем крыле будет происходить выставка! Я обязана принять участие, с призерами выставки будет заключен контракт с одной

известной художественной студией. Это так прекрасно!

Я улыбнулась и знала заранее за кого отдам свой голос.

А потом Лина не пришла.

Ее не было около трех дней, мой телефон уже стал глючить от звонков к ней домой. В гараж я пока не ходила, потому что сильно нервничала за Лину и чувствовала, что предам ее, если пойду туда без нее. Но как оказалось после, она лишь все три дня рисовала картину для выставки. И как всегда эта была только ей понятная абстракция. Но на этот раз она была темная, мрачная и серая. Я снова видела в этом что-то космическое.

В день выставки все художники этого потока принесли свои работы. Проходя мимо картин у меня отвисала челюсть, потому что настолько талантливы были люди, учащиеся там, что не назвать это искусством было бы настоящей грубой ошибкой. Среди портретов и пейзажей висели и неординарные работы, среди которых была абстракция Лины, она назвала ее Смертью, и картина приобрела свой истинный смысл. Она улыбалась, когда люди вглядывались в ее работу, спрашивали ее о чем-то и кивали в знак согласия. Я все время стояла возле нее и поддерживала, хоть она и не показывала этого, но я заметила, как сильно она нервничает. Как только мимо картин прошел Билл вместе с Марией, она схватила мою руку и сжала ее настолько сильно, что у меня, наверное, лопнули все капилляры внутри.

- Прекрасная работа, но почему Смерть? – спросила ее одна из руководителей конкурса, - неужели не было ничего повеселее? Например, вон Артур нарисовал небо, мне кажется, такой воздушной девушке как ты, Лина, очень пошло бы рисовать нечто приземленное, нежное, возможно, легкомысленное, как думаешь?

Лина скривила рот и стиснула зубы, собрала все силы в кулак и улыбнулась руководителю. Она согласилась, сказав, что в следующий раз обязательно попробует нарисовать то, что понятно будет всем, а в конце добавила, что ей стыдно за эту работу. Мое сердце внутри сжалось до размеров теннисного мячика, я хотела вступить, но не нашла в себе силы. Но в глубине души я была согласна с руководителем. Ведь работы Лины и правда были слишком абстрактными, никто не мог проявить фантазию и увидеть в картине что-то свое, а уж тем более то, что видела там Лина. Я просто боялась признаться самой себе, что художник из нее никакой, что людям не будут понятны ее работы и никто не сможет ее оценить, а моя похвала всего лишь дружеский жест, не более. Я с ужасом поняла, что не верю в ее возможности.

Следующие дни шли гладко и спокойно. Лина, как и ожидалось, не выиграла

никакого контракта, но как я могла заметить, ей было уже все равно. Она спокойно общалась с Биллом и Марией, смеялась над голосом Виктории, поддерживала меня с моими работами. Лина даже подарила Биллу и Марии одинаковые кулоны в честь того, что они начали встречаться. Я была рада, что Лину отпустило от этой любви и что она никогда не унывала.

Мы снова вместе гуляли, ходили в парки, выступали в метро, меня снова вырывало из Солнечной системы во время их музыки. Под действием чудесной скрипки Билла я написала множество новых рассказов и однажды мне пришло письмо из одной редакции.

- Меня напечатают, меня напечатают!

Все были рады за меня, все старались меня обнять, даже настырная Виктория разорилась на то, чтобы пожать мне руку. Мы все бурно отмечали мою первую опубликованную работу.

Я сделала свой шаг к мечте, я поверила в себе и теперь меня ждет потрясающее будущее. Меня будут критиковать, писать про меня плохие отзывы, хвалить, восхвалять, мои книги будут продаваться огромным тиражом, а все благодаря поддержке моих друзей, в частности Лине. Ведь если бы не этот светлый человечек, то я бы так и продолжила черкать наброски в своем блокноте и грызть карандаши.

А потом Лина заболела и целую неделю не появлялась в гараже. Все были обеспокоены, но никто даже не надумал ее навестить. После пар я решила купить ей фруктов и навестить ее, но перед этим решила позвонить ей. Трубку взяла пьяная женщина, которая, услышав мою просьбу, громко прокричала имя моей подруги. На фоне что-то шумело, кто-то орал.

- Зачем ты позвонила? Со мною все в порядке, просто сейчас не могу появиться на парах, - сказала Лина.

- Я просто хотела навестить тебя, я могу к тебе прийти?

На фоне упала кастрюля и послышались громкие маты.

- Нет, нет, все хорошо, правда. Не нужно.

- У тебя точно все хорошо? Кто там шумит?

- Родители ссорятся, мне пора идти.

Вдруг трубку кто-то оборвал и последнее, что я услышала, это громкий хлопок и мужской голос.

Еще три дня Лина не отвечала на телефонные звонки и я стала переживать еще больше. Я пришла в гараж, чтобы выяснить не знают ли ничего ребята. То, что я выяснила, повергло меня в шок.

- Что ты сказал? – переспросила я.

- У Лины давно проблемы в семье. Ее мать постоянно пьет, ты не знала?

Перед моими глазами всплыл пакет с бутылками.

- Да, ее отец умер, когда ей было тринадцать, погиб в автокатастрофе что ли, тогда на дорогах лед был, он не успел затормозить и врезался в автобус, много народу тогда погибло, десять человек что ли? – посмотрел он на Марию. Она кивнула и отвела взгляд.

- И что? Она много стала пить?

- Мало того пить, так и мужиков в дом приводить, - фыркнула Виктория, настраивая гитару, - она сама мне рассказала, когда я забирала ее из парка ночью. Не знаю почему она позвонила именно мне, но я еле-еле отбила ее от компании каких-то алкашей, может это гены?

- Не смей так говорить про нее! – закричала я, - почему вы ничего не сказали мне? Почему я узнала об этом самой последней, ведь я ее подруга.

- Ну так и я ей подруга, и Мария, и Билл, мы все ее и твои друзья.

У меня пересохло горло. Неужели все, что я знала о Лине, было фальшивой ложью и она давала знать про себя ровно столько, сколько нужно было ей? Я решила, что завтра навещу ее обязательно, мне нужно проверить все ли с ней в порядке. Хотя, с другой стороны, Лина ведь сильный человек, она со всем способна справиться в одиночку. Может она не желает чужой помощи? Ведь сколько раз мне было плохо, сколько раз я приходила в писательском кризисе, а она помогала мне. Я помню, как мою работу очень сильно раскритиковал папин друг с работы, он сказал мне, что стоило бы заняться чем-нибудь действительно полезным, чем писать истории людям, которые не любят их слушать. Помню, папа ехидно посмеялся и сказал, что люди в современное время совсем перестали читать и мои книги будут лишь пылиться на полках, но, как он добавил потом, попробовать, конечно, стоит. Меня тот случай очень сильно подкосил, я помню как плакала рядом с Линой, а она лишь отпускала шуточки, от которых мне не становилось легче.

- Родители часто ошибаются, Карамелька, не стоит слушать людей, они ничего не понимают, иди своим путем, у каждого свой путь к успеху.

Я лишь улыбнулась. Я помню, как на последние деньги она купила одно мороженное на двоих, оно было с фисташками, я очень любила фисташковое мороженное, но не Лина. Но она ела его вместе со мною, хоть сама смотрела на клубничное, ее любимое.

Она часто жертвовала собой, не прося ничего взамен. Она отдавала людям все свои возможности и мысли, думала только делами других, но свои, как выяснилось, решать совсем не хотела.

Я пришла в тот старый дом. В нос мне сразу ударил запах старых гнилых овощей, место то еще скажу я вам. Я зашла в подъезд, попутно доставая телефон, чтобы набрать номер Лины. Как и ожидалось, она не ответила. По памяти восстановила картину той ночи и нашла нужную квартиру. Я долго звонила в дверь, но мне никто не открыл. Я пришла на следующий день и на следующий, я ходила туда каждый вечер, каждый раз бледнея от мыслей, что с ней могло случиться. Мне казалось, что Лина стала исчезать из моей жизни.

Жизнь текла своим чередом, такие же скучные пары, те же посиделки в гараже, Виктория все так же издавала звуки слонов и дельфинов, единственно, что действительно не хватало, так это Лины. С ее исчезновением наша компания стала рассыпаться, Мария и Билл большую часть своего времени любовались друг другом, а Виктория и вовсе перестала приходить. Я чувствовала, как из моей души вырвали кусочек чего-то важного. Мне срочно нужно было с кем-то поговорить, срочно требовалось вдохновение, даже фисташковое мороженое напоминало мне о ней.

Я решила снова добиться правды и пришла в тот дом. Я была настойчива, потому что мне действительно требовалась помощь, как бы эгоистично это не звучало. Моей работе отказали в публикации и я была разбита. Я снова стучалась в дверь, час, полчаса. Я сидела на грязных ступеньках, по которым, возможно, бегали мыши, сидела и смотрела в пустую стенку, считала трещинки на ней. Вдруг я снова увидела ту толстую тетку с пакетами, что ругала нас тогда. Она была моей последней надеждой, но и она ничем не помогла мне. Неужели я действительно ее потеряла? Ну не мог же человек исчезнуть бесследно! Я встала и пнула дверь.

И тут мне открыла женщина, лохматая и сонная. Она внимательно посмотрела на меня и шмыгнула носом, потом обтерла об себя руки и взялась за дверь, чтобы ее закрыть.

- Стойте, вы мама Лины? – схватила я ее за дряхлую руку.

Женщине было лет сорок, может чуть меньше. Выглядела она просто ужасно: от нее пахло перегаром, вся одежда была старой и потрепанной, ее глаза были тусклыми и безжизненными, рот искривлен, а под глазами большие мешки, было видно, что она действительно много пила.

- Кто ты такая? Что тебе нужно?

- Я ее подруга, мы учимся вместе с ней, я беспокоюсь, с ней все хорошо?

Вдруг женщина поднесла ладонь ко рту, глаза ее наполнились терпкой влагой, она всхлипнула. Я поняла. Я все поняла.

Не знаю каких усилий мне стоило собрать всю свою волю в кулак и

оттолкнуть ее, я ворвалась в квартиру и побежала в ее комнату. Мне нужно было ее видеть. Но Лины в комнате не было. Не было ни книг, ни музыкальной картины.

- Что с ней? Где она!? – закричала я.

Женщина прошла на кухню, достала бутылку, налила себе дешевой водки и залпом осушила рюмку, затем снова всхлипнула.

- ты не слышала что ли?

- Слышала о чем? Говорите или я вызову полицию.

- Зачем? Они здесь уже были, - затем она встала, подошла ко мне и влажными глазами посмотрела мне в лицо, - нету больше Лины. Нету, понимаешь?

- А где она? – не понимала я.

Нет, я отказываюсь это понимать.

- Умерла, она умерла, - она схватила меня за плечи и горько заплакала.

Как плачет мать над умершим дитя.

А тем временем Вселенная потеряла еще одну звезду.

Следующие дни были, как в тумане. Меня допрашивали полицейские, со мною общались психологи, но я никого не видела. Хотите знать, что действительно произошло? Я до сих пор себя ненавижу за то, что не предвидела этого.

Казалось бы, Лина. Веселая, радостная девушка, полная надежд, всегда любившая жизнь и всегда готовая оказать любую помощь, всегда поддерживающая любой разговор, вдруг кончает жизнь самоубийством. Все, знавшие ее люди, сразу начали говорить, мол такого не могло быть, она всегда была такой счастливой, помогала, улыбалась, даже я так сказала. Ведь не было поводов, она никогда не была склонна к суициду, всегда находилась в шумной компании и была настоящей искоркой.

Но на самом деле каждый человек внутри себя ведет настоящую борьбу, и Лина эту битву проиграла. Ей было тяжело, но никто этого не видел. Ее мать постоянно приводила в дом мужиков, они часто поднимали руку на нее и ее мать, она сильно переживала смерть и отца и до сих пор боролась со взглядами семей, чьи родственники погибли тогда при аварии. Как я выяснила, она очень трудно переносила критику ее картин, никто не понимал, что именно в этих картинах, маленький человечек, сидящий глубоко у нее внутри кричал о помощи, но никто этого не мог услышать, потому что Лина лишь смеялась и глушила его крики. Невзаимная любовь к Биллу подорвала ее состояние, я не представляю, как тяжело ей было находиться рядом с ним и

Марией, как тяжело было слушать его музыку, которую он втайне посвящал ей. Я никогда не испытывала невзаимную любовь, поэтому и не смогла сразу понять ее чувств.

Я до сих пор не понимаю, как я не смогла увидеть изменения внутри нее. Неужели люди, которые смеются громче всех, на самом деле самые несчастные? И, оставаясь наедине с собой, ты часто думаешь о том, что ты не такой сильный, каким тебя видят люди. Ты живешь фальшивой жизнью, созданной твоей фальшивой личностью, которая заставляет тебя фальшиво смеяться и отвечать, что все хорошо. Интересно, что думают люди, готовые оставить этот мир и умереть? Они готовы оставить все прекрасное, что есть на этой планете, только лишь потому что их окружают неправильные люди с неправильными мыслями. Лина решила, что с этим будет покончено. Она достала аптечку и выпила все снотворное, которое только смогла найти. Сожгла свою картину, выбросила в окно свои книги, села на подоконник и с закатом ее тело стало содрогаться в судорогах. Знаете, только в книгах, самоубийцы уходят красиво и романтично. На самом же деле один из собутыльников ее матери нашел ее на полу, всю в рвотных массах, сработала естественная реакция организма, но это, к сожалению, ее не спасло.

Она умерла одна в полном доме людей. Умерла и не оставила записку, потому что скорее всего ее решение было спонтанным, унесла причину своей смерти с собой в небытие. Теперь ее душа парила среди множества Галактик, среди звездных скоплений, теперь она станцует с императором Японии, посетит африканские племена и будет собирать жемчуг на дне моря. Теперь она свободна от всех человеческих проблем, теперь ее не волнуют людские войны, курсы валют и новые сплетни. Она умерла, ни оставив после себя ничего, кроме вкуса горечи на языке и легкой влюбленности.

Я теперь часто вспоминаю ее запах. Прокручиваю в голове наши разговоры, пытаюсь уловить намек, тонкую нить, ведущую к дальнейшим действиям Лины. Но таких вещей крайне мало, потому что в большинстве случаев она всегда казалась мне жизнерадостной и веселой. Я совсем перестала писать, перестала слушать музыку, потому что она напоминала мне минуты беззаботной радости, танцы на кровати и вкус алкоголя на губах. Это несправедливо! Бросить меня здесь, одну в этом мире, где нет мне друзей кроме нее, это ужасно эгоистично!

Хотя... Знаете, хотя, ей это простительно. Наверное, впервые в своей жизни она сделала что-то для себя, в первый раз и в последний. Пусть теперь путешествует, ведь я то знаю, мы скоро встретимся.

Для меня, возможно, пройдет целая жизнь. Я встречу много новых людей, буду общаться с ними, влюблюсь, женюсь, рожу сына или дочь, выращу их и в конце концов умру. А там, где-нибудь там, я уверена, я встречу ее душу, мы вместе поужинаем на Марсе, я покажу ей свою комету, на которой неслась к Юпитеру и мы искупаемся в озерах Европы, которая вращается вооруженной гигантской планеты. Наверное, умирать не так страшно.

Когда я увидела Билла в коридоре учебного заведения, он лишь грустно улыбнулся мне. Теперь для них я напоминание о том, чего они, к сожалению, предотвратить не смогли. С Викторией я пересекалась крайне редко, а в те редкие встречи она демонстрировала мне слона и это на миг возвращало меня в наш гараж, где мы дружно проводили время.

К сожалению, все меняется. Жизнь течет и нужно продолжать жить дальше, но теперь я знаю, что обязана сделать. Для меня все не кончено, для меня все только начинается.

И я обязательно опубликую эту историю.